

Я СИЖУ в кресле самолета «ДС-10» испанской авиакомпании. В самолета царит полумрак. Мы несемся к цели нашего путешествия со скоростью 900 километров в час, приближаясь к земле Колумба — к Латинской Америке. За эту поездку я должен быть благодарен своему призванию: по поручению Венгерского телевидения я вместе со своими коллегами буду снимать фильм о революциях в Латинской Америке. Само слово «революция» для каждого поколения означает не одно и то же. Но в этом понятии для всех нас заложено и нечто общее: возможность одновременно и действия, и перемен к лучшему. В слове «революция» звучат и пыл, и страсть, в нем есть нечто особое, присущее только этому взрыву. То, о чем обычно

адрес Кубы. Достаточно вспомнить заявление бывшего генерала, а ныне государственного секретаря Хейга. И я думаю, не случайно, что сейчас кубинцы ощущают, что берега Флориды как бы «приблизились» к их острову.

Революция на Кубе продолжается.

В Никарагуа людям не надо напоминать о боевой готовности и бдительности. С момента революции прошло всего два года. И еще очень многое в жизни страны напоминает о произошедшей перемене, многое указывает на то, что процесс революционных перемен еще продолжается. Спустя два года после победного марша по улицам Манагуа большинство из руководителей молодой республики еще ходит в партизанской

Юность Никарагуа.

СКОЛЬКО ДЛИТСЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

на принято говорить потому, что многие слова подвержены инфляции, они с течением времени выцветают и часто утрачивают свое первоначальное значение. Революция — это и кровь, и страдания, и радость победы.

Прямо над Атлантическим океаном наш самолет попадает в грозу, его начинает трясти, спать нет никакой возможности. Поэтому я пытаюсь подготовиться к тому, что меня ждет, хотя знаю: действительность все равно превзойдет все ожидания. Слова, лица, факты, впечатления — все это накатится и начисто сметет мои предположения.

На Кубе мы убедились в силе революции, которой уже 22 года. Для нашего поколения Куба — это откровение, легенда о Че Геваре с его героизмом и противоречивостью, это и «Карибский кризис».

По нашим венгерским меркам Куба сейчас переживает период «битвы за уголь»*. Правда, на острове Свободы вместо «черного золота» речь идет о «белом» — о сахаре, или, точнее говоря, о сахарном тростнике. Центральный орган Коммунистической партии Кубы газета «Гранма» каждый день в специальной рубрике, которая помещается на самом видном месте, публикует результаты сафры. На улицах, на самых людных местах виднеются огромные плакаты с лозунгами: «Работай больше и лучше, чем прежде!». И человек, который хочет показать себя истинным революционером, должен либо как можно больше времени добровольно отработать на уборке тростника, либо принимать участие в учениях недавно созданной народной милиции. Каждый день на первой странице «Гранмы» помещается и такая строка: «Двадцатый год после победы на Плай-Хирон». А с того момента, как Рейган «воцарился» в Белом доме, это напоминание о победе над силами внешней интервенции стало призывом к единству и революционной бдительности.

Решение о том, что юбилей победы на Плай-Хирон будет праздноваться в течение целого года, указывает на то, что у Кубы нет иного пути. Первоочередной задачей на Кубе, находящейся в нескольких десятках миль от крупнейшей империалистической державы, является постоянное поддержание боевой готовности. Нет недостатка в постоянных заявлениях высокопоставленных чиновников новой администрации США, в которых теперь неизменно содержится угрозы в

Куба. Сафра в сельскохозяйственном кооперативе.

одежде цвета хаки с пистолетом на боку. А в министерствах и учреждениях к руководителям можно пройти лишь после личного досмотра, тут никто не щелбечет с секретаршами, потому что частенько на их местах восседают молодые люди с автоматами в руках — это бывшие партизаны.

Легендарный партизанский командир, ныне министр внутренних дел Томас Борхе дает пресс-конференцию. Нас провозжает туда совсем молодой парень, выясняется, что с свои 19 лет он считается ветераном. Вот уже пятый год Хосе носит оружие в руках, более двух лет сражался в различных партизанских отрядах, и пока наш новый знакомый даже представить себе не может, что ему когда-нибудь надо будет усесться за парту. Адьютант министра руководит пресс-конференцией, устанавливая очередность вопросов, которые обрушиваются на Борхе. Он делает это с завидной элегантностью и уверенностью. И этому офицеру от силы лет 25, хотя держится он весьма непринужденно, но по военному подтянуто. Я думаю, что и он только после победы революции стал задумываться

над тем, сколько всего еще не успел в своей жизни.

А буквально на следующий день я получил урок того, как можно с успехом применять тактику партизанской войны в условиях производственного совещания. Мы сопровождали в поездке по стране министра сельского хозяйства Никарагуа Джеймса Вилока. Этот человек — один из самых интересных и популярных руководителей сандинистского движения. Он пришел в лагерь сандинистов, отстаивая интересы бедняков, испытывая личную ненависть к Сомосу и всему его семейству, только постепенно он стал убежденным революционером. Однако сейчас Вилкок необыкновенно популярен в народе. Он замечательный оратор, и, когда начинает выступать, все рано или поздно попадают под его влияние. Интересно, что он так и не сказал нам, сколько ему лет. На мой вопрос он отвечает кратко, по-солдатски: «Между тридцатью и сорока годами». Вилкок считается «пожилым» среди руководителей сандинистов, ведь, скажем, глава государственного совета Карлосу Нунесу еще нет и 30. Естественно, и министр сельского хозяй-

ства одет в военную форму цвета хаки, на боку у него кобура с пистолетом. Мы мчимся по шоссе в закрытых «джипах», за автомобилем министра следует вооруженная охрана, дула автоматов торчат в разные стороны. Здесь нападение на министра — вещь реальная, опасность подстерегает его на каждом шагу. После сорокакилометрового пути наш автокараван останавливается в большой деревне. На возвышении — стол, вокруг него собрались люди. Это батраки и бедные крестьяне, работающие на местных кофейных плантациях. Точнее говоря, их представители. Это посланцы людей, которые, вероятно, и сегодня проливают не меньше пота, чем раньше. Однако теперь они работают на собственной земле или по крайней мере на самих себя, теперь они знают, что их никто не уволит, не прогонит, что у них есть постоянный заработок.

Сейчас самая сложная проблема — болезнь кофейных кустов. На место гибнущих больных растений надо сажать новые. На землях, принадлежащих государству или кооперативам, правительство выделяет необходимые для этого средства, но мелкие и средние землевладельцы в свое время пожалели деньги и теперь несут большие убытки, не в силах бороться с эпидемией. Министр в течение сорока минут говорит, спорит, выслушивает контраргументы, убеждает. Он слушает, просит, требует и отчаянно жестикулирует. Кобура с пистолетом при этом подпрыгивает у него на боку. У Вилока гладко выбритое лицо, тщательно подстриженные, ухоженные волосы, а во время спора прядь курчавых волос постоянно падает ему на лоб. Его красивые, изящные руки исполняют в воздухе фантастический танец в подкрепление доводов. И вот, когда он почувствовал, что ему удалось выработать общую платформу с уполномоченными, министр переводит речь на другое. Без всякого перехода он внезапно начинает говорить о том, что для государства сейчас важнее производство хлопка, что сейчас необходимо все силы бросить на этот участок. Он просит у присутствующих две недели, говорит, что на этот срок крестьянам надо забыть о кофе, переключиться на сбор хлопчатника, ведь еще не собрана добрая треть урожая «белого золота». Это необходимо, потому что хлопок идет на экспорт. Следует помнить, что после прихода к власти Рейгана правительство США отказалось предоставить Никарагуа займ, который был обещан ранее. При этом Белый дом ссылается на мифическое вмешательство Никарагуа в дела Сальвадора. На деньги, которые должны были быть получены от США, правительство Манагуа хотело закупить пшеницу. И теперь только

с помощью хлопка можно получить необходимую для закупки зерна валюту.

Митинг, на котором мы присутствуем, создан по поводу производства кофе, но в конце концов речь зашла о хлопке. Мы убедились, что бывший партизан стал замечательным хозяйственником, при этом, как нам показалось, он руководствовался тактикой партизанской войны в джунглях, с успехом применяя ее приемы на экономическом фронте. В том, что его «приманка» сработала, мы убедились через несколько дней, когда побывали на хлопковых полях. Во время митинга, на котором мы присутствовали, ни одна из сторон не давала никаких обещаний. Однако на полях хлопчатника мы узнали, что в последние дни сюда прибыли сотни добровольцев. Прощаясь с министром, я задал ему вопрос: «Вы задумывались над тем, как вы будете жить, когда состаритесь?» Он быстро ответил, едва дождавшись конца перевода, употребив при этом множественное число: «Мы, — сказал он, — не думаем об этом. Мы не задумываемся над тем, что касается лично нас. Мы размышляем о будущем нашего дела, нашей революции, нашего народа». И по ответу Джеймса Вилока я понял — для него революция будет длиться до тех пор, пока он живет на этом свете.

Министр культуры Никарагуа поэт Эрнесто Карденал после интервью, которое мы у него взяли, подарил нам сборник своих стихотворений с автографом. Эти стихи — летопись никарагуанской революции. С помощью их я словно смог заглянуть и в сражающийся Сальвадор, куда нам, журналистам и писателям из социалистических стран, въезд запрещен. Стихи эти словно переносят в самый центр циклона революции. Вот оно, доказательство всесильности поэзии:

*Податливая мертвых
непостоянство
Почти исчезла.
Что же случилось?
Эти жертвы иначе,
Не так, как прежде,
Они смеются и
Задают вопросы,
Издаются над палачами,
Мне даже кажется:
они догадываются,
Что теперь в большинстве...*

В первый раз строки этого стихотворения были опубликованы в Мехико в большом сборнике, составленном из стихов, прозаических произведений, газетных статей. В сборнике крупнейший поэт Сальвадора Рожер Далтон рассказывает историю этой страны, историю о том, как угнетенные поднимались на борьбу. Коммунист Р. Далтон погиб несколько лет назад, пал жертвой местных контрреволюционеров. Его стихи продолжают жить. В Сальвадоре, где сейчас каждый день гибнут сотни людей, революция — настоящее время. Я думаю, что там вопрос: «Сколько длится революция?» — просто неуместен.

И вот мы на пути на родину. У меня в руках сборник стихов, подаренный Карденалом, этим пожилым седым поэтом в джинсах и с веселым детским выражением лица. Внезапно я наталкиваюсь на коротенькое стихотворение, написанное им еще во времена правления Сомосы. Оно называется «Пророчество о судьбе Манагуа»:

*С оружием в руках
отыщем новый путь,
Победа революции —
вот нашей жизни суть.*

С непереносимого.
Перевод С. ФАДЕЕВА
«Вот эш-эш-эш» («Жизнь и литература»).

* «Битва за уголь» в Венгрии разразилась в конце 40-х годов.